
Дмитрий ЛАГУТИН

РАССКАЗЫ

ГНЕЗДО

Дед стоял за печь горой. «Не позволю!» — стучал он кулаком по столу и грозил длинным крючковатым пальцем. Отец хмурился, тер виски, но против деда не шел. Мать не вникала.

Печь занимала треть кухни — белая, теплая и мягко-шершавая, будто намелованная. Гости шарахались от нее, боясь за пиджаки и свитера. Дед смеялся над ними и хлопал по теплым бокам, демонстрируя чистые ладони.

На печь можно было забраться — по узенькой лесенке сбоку — и устроиться под самым потолком на цветастом одеяле, в горячем и сухом «гнезде». Так говорил отец. Из гнезда можно было наблюдать за происходящим на кухне — например, за тем, как кот пытается стащить со сковороды отбивную, а мать гоняет его полотенцем, или за тем, как спорят затемно отец и дядя, поглощая в жутких количествах терпкий черный чай. Дядя шевелил усами, горячился и яростно жестикулировал, а отец откидывался на стуле, складывал руки на груди и посмеивался. В гнезде можно было дремать укутавшись, можно было прятаться ото всех, вжавшись в стену и затаив дыхание, можно было листать истрепанную, пыльную книгу.

А дед в гнезде слушал радио.

Зайдет на кухню; под мышкой личное сокровище — древний увесистый радиоприемник под дерево с вытягивающейся вверх антенной и отломанным регулятором громкости. Повертит головой, покряхтит, вытянет из хлебницы пару сухарей. Потом вздохнет — и давай карабкаться по лесенке. Охая, ахая, хрустя суставами, устроится в гнезде, завернется в одеяло, поскребет бороду, щелкнет приемником и прижмет его к себе — иначе не услышать ничего. Чинить не дает, боится. «У вас, — говорит, — руки кривые. Вам такой тонкий инструмент доверять нельзя».

— Выкинь ты свой тонкий инструмент, батя, — смеется отец, — рухлядь же. Мы тебе новый купим, японский.

— В голове у тебя рухлядь, — отвечает дед, — а радио не трожь. В японском души нет, а сей мне прилюбился уже.

Отец все смеется, не спорит.

Дмитрий Александрович Лагутин родился в 1990 году в Брянске. В 2007 году окончил Брянский городской лицей имени А. С. Пушкина — гуманитарный класс. В 2012 году стал выпускником юридического факультета Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. Работает юрисконсультom в сфере строительства. Победитель международного конкурса «Всемирный Пушкин» в номинации «Проза» (2017, 2018). Лауреат национальной премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов» (2018). Рассказы опубликованы в журналах «Новый берег», «Нижний Новгород», «Волга», «Нева», «Истоки», «Литкульпривет», «Дальний Восток», «Иван-да-Марья», сетевых изданиях «ЛITER-РАтура», «Южный остров», «Камертон», «Парус», «День литературы», Hohlev.ru, приложении к журналу «Москва».

По негласным правилам деду касательно гнезда предоставлялось безусловное преимущество. Если он заставал на печи нас с братом, то шикал, делал страшное лицо — и мы исчезали.

Радио дед мог слушать ночами напролет. Покрутит ручку, найдет волну, прижмет-ся к коробке — и замирает. Тогда кругом него хоть земля трясись, ничего не видит. Дядя зайдет, поздоровается, а дед не отвечает — весь там. Ночь на дворе, свет погасят, тихо; только и звуков что кот ворочается в углу, в печи что-то потрескивает да дед сопит из-под потолка. А то возьмет да и захрапит — раскатисто, с переливами. Отец тогда выходит из комнат, расталкивает старика, уговаривает перебраться в постель. Дед спросонья ворчит, но соглашается — сползает по лесенке, ковыляет к себе.

Однажды зимой, ближе к вечеру, спрятался я в гнездо. Выжидаю. Зашла мать, помыла посуду. Постояла у окна. За окном яблоня, за яблоней сарай, за сараем забор, а там небо в облаках. Солнце заходит уже, выглядывает из-за забора, разливается огнем. Все белым-бело, на сарае снежная папаха. Облака ну прямо горят. Хорошо. Мать постояла-постояла, да и ушла.

За окном пробежал с соседскими мальчишками брат. Летят снежки, слышен хохот. Я жду.

Появился кот. Прошагал деловито до обеденного стола, запрыгнул, обнюхал. Перебрался на подоконник, уселся носом к стеклу — наблюдает.

В печке трещит тихонько. Солнце — за забором уже, а облака все горят. Жду.

Зашел отец, выпил воды, сел у окна. Потрепал кота по спине, пробормотал что-то задумчиво. Уходя, подмигнул мне. Конспирация провалилась. Но это отец, от него не спрячешься.

Жду деда. Над забором небо еще пылает, но выше — густая синь. Яблоня гладит голыми ветвями крышу сарая, на папахе остаются борозды. Кот сидит неподвижно, наблюдает за редкими снежинками, которые ползут сверху вниз. Я наблюдаю за котом. Наблюдаю, наблюдаю, да и засыпаю, размякший от тепла и тишины.

Просыпаюсь от голосов.

— Не позволю! — скрипит дед и стучит кулаком.

Он сидит на табуретке и вертит в руках приемник. Горит лампа, за окном темно. Напротив деда сидит отец, пьет чай. От чая выются ниточки пара, отец дует на кружку, цедит понемногу.

— Батя, — басит он, — ну на что она тебе?

— Не позволю, — бубнит из-за бороды дед. — Вот помру — хоть весь дом разбирайте.

— Так ведь и соседи уже смеются, ни у кого такой нет.

— Пушай смеются.

— Что ж ты так уперся-то?

— Захотел и уперся. Твой дед эту печь ставил, душу вкладывал. Погляди, как мальчикам она по душе, — тычет пальцем на меня. Я юркаю обратно.

Отец вздыхает.

— Чудак ты, батя, стал, — говорит, — совсем чудак.

Дед не отвечает, вертит приемник. Потом зевает, встает и шаркает к печи.

— Слезай, шалупонь.

Я тру глаза и скальзываю вниз. За мной увязывается кот, пытается прошмыгнуть в комнаты. На пороге оборачиваюсь и вижу, как дед жметесь ухом к приемнику. Его лысая макушка, голая и ровная, как шар, блестит в свете лампы.

Кот воспользовался моим замешательством и просочился-таки в глубь дома.

Той ночью меня разбудил грохот: дед, слезая с печи, оступился и упал с лесенки. Сломал руку. Пока отец собирался и грел машину, дед сидел на кровати и тихо постанывал. Мать кружилась вокруг него, поднося вещи, воду, помогая влезть в куртку.

Вошел в комнату отец — в верхней одежде, не разувшись.

— Марш спать, — приказал он нам с братом.

Взял деда под локоть и повел в коридор.

Когда они уехали, мать зашла к нам и сказала:

— Я к соседке. Ненадолго. Спите или со мной пойдете?

Мы к соседке не хотели.

— Ты за старшего, — сообщила мать брату и ушла.

Воцарилась тишина. В комнате деда горела лампа, и у нас, с открытой дверью, было совсем светло. Я не мог спать. Ворочался, мял подушку, а потом тихонько встал.

— Ты куда? — спросил сквозь сон брат.

— В кухню, — и я зашлепал босыми ногами по полу.

Из-за окна лилось сквозь занавески холодное белое сияние, но в кухне все равно было темно. Я зажег абажур и уселся за стол. В печи тихонько трещало. На подоконнике, свернувшись калачиком, дремал кот. В углу, под табуретом, лежал одиноко приемник с погнутой антенной.

Я поднял его, приложил к уху — шипит неразборчиво. Погасил абажур, сунул приемник под мышку и полез на печь.

В гнезде было по-обычному жарко и сухо. Я вжался в угол и поднес приемник к лицу. Его пересекала белая полоса с цифрами и черточками. По полосе, если крутить ручку, полз маячок. Я принялся двигать его вправо-влево, то и дело прислушиваясь. Звук был ужасно тихим — ничего не разобрать. Наконец маячок добрался до какой-то заветной черточки — и до моего слуха донеслась более-менее отчетливо музыка. Я приник к гладкому пластиковому боку. Пели про пальмы, море и закат. Кухня плыла серебряными бликами, мерцала таинственно. Меня здорово разморило, я подтянул к подбородку одеяло и укутался в него.

После песни про пальмы диктор со смешной фамилией принялся монотонным голосом читать историю про какого-то мальчика, которого везли через степь в город. Мальчик сперва ехать не хотел и плакал, а потом только скучал и бродил по округе на привалах, а вокруг него суетились какие-то люди — приятные и не очень.

В глубине печи потрескивало, где-то в противоположном углу кухни завел свою песню сверчок.

А мальчик все ехал и ехал в своей телеге. День сменял ночь, вокруг кричали птицы, лаяли собаки, разговаривали, считая деньги, люди. Я сперва слушал внимательно, потом куда-то поплыл — и не заметил, как уснул. Снилось мне, что я еду через степь и рядом со мной сидит дед. Он то и дело поворачивается, улыбается из-за бороды и показывает торжествующе ладони — то ли чтобы продемонстрировать их чистоту, то ли чтобы сказать, что с рукой у него все в порядке. Степь застелена ровным слоем шуршащей травы, вдалеке темнеют на фоне неба холмы. С неба тянется редкий снежок, тает, не касаясь земли.

Наутро отец привел домой рабочих — и они в два дня разобрали печь. Нам с братом до слез было жаль теплого гнезда — и мы плакали, сидя у деда на кровати. Дед здоровой рукой гладил нас по головам и бормотал что-то ободряющее.

ЧУДО

Вздрагивали в такт движению бокалы, колыхалось в них вино. За окном тянулись поля, небо на востоке розовело.

Темноволосая девушка лет двадцати восьми, до этого с отсутствующим видом изучавшая пейзаж, встряхнула головой, расправила плечи и обратилась к своему vis-à-vis:

— Что бы там ни было, ради такого вида стоило встать ни свет ни заря.

Vis-à-vis, мужчина средних лет, в безупречном темно-синем костюме, с мягкими чертами лица, улыбнулся несколько смущенно и протянул девушке бокал.

— Надеюсь, мне удастся произвести впечатление.

Тихо соприкоснулось стекло.

— Уверена, у тебя это получится. Я, признаться, даже не пыталась — и не пытаюсь — угадать, что ты придумал на этот раз. Умение делать сюрпризы — это особый дар, и я до ужаса боюсь испортить впечатление.

Мужчина, не переставая улыбаться, опустил глаза.

— В особенности если ради сюрприза ты привез меня во Францию.

— Когда ты была тут в последний раз?

— Хм. Года три назад, наверное. Но ощущение, будто сто три — не меньше. Да и Париж, знаешь ли, изменился, — этого я совсем не ждала.

— А здесь? Хотя бы проездом?

— Нет-нет, впервые. Очень своеобразное место. Вообще, это один из самых нефранцузских городов, в которых мне доводилось бывать. Что-то даже неевропейское — едва уловимое.

По небу медленно разливалось золото. Горячие лучи упали на лицо мужчины, он зажмурился, но не отвернулся.

— В таком свете у тебя очень доброе лицо, — улыбнулась девушка. — Не просто доброе, как всегда у тебя, а очень доброе. Жаль, мне не даются портреты.

— Разве? Я видел «Аглаю» у Жана. Она прекрасна.

— Не льсти мне, Андрей, это худшее, на что может рассчитывать художник, — она взяла бокал длинными тонкими пальцами и посмотрела на мужчину сквозь сияющее стекло. — Тебе ли не знать.

Он пожал плечами и повернулся к окну, подперев подбородок ладонью.

— Ты слишком скромна, Галя. В этом есть свое очарование, да. Но «Аглая» действительно прекрасна. Хотя в каком-то смысле я понимаю, о чем ты. Кажется, Косицкий упоминал в статье, что ты и портреты пишешь, как пейзажи.

— Интересно, что он имел в виду.

Мужчина засмеялся.

— Полагаю, это одно из тех определений, которые не требуют расшифровки.

— Любите вы, люди искусства, запутать простую русскую девушку, — усмехнулась она.

В купе постучали.

— Войдите.

На пороге показался юноша-кондуктор, объявил — по-французски, — что поезд скоро прибывает к нужной станции, и удалился.

Окно полыхало, горизонт вился изумрудными волнами.

— Не удивлюсь, если ты ждал погоды, чтобы выехать, — проговорила она. — Я права?

— Разве я могу отвечать? — он улыбнулся. — А впечатление?

— Ты прав, извини.

— Как номер? Обслуживание?

— Очень мило. Три дня сна, окно на поле, достойная кухня. Тихо, уютно. И дождь барабанит по козырьку. Красота.

Раздался рев, и рассвет сменился крошечной тьмой — въехали в тоннель. Девушка вздрогнула, вино заметалось по стенкам бокала. Мужчина протянул руку, но она рассмеялась.

— Это же и вправду страшно, — с серьезным видом пояснила она, когда снова засияло солнце.

Мужчина пожал плечами. Прижавшись к холму, проплыла и скрылась строгого вида ратуша. Замелькали стога сена, расставленные на манер шахматных фигур.

— Как твой труд? — нарушила молчание девушка.

Мужчина скривился.

— Могло быть и лучше. Но, впрочем, могло быть и хуже.

— Это очень масштабная работа, Андрей. Надо быть ко всему готовым.

— Да, конечно.

По коридору за дверями простучали чьи-то тяжелые шаги. На дальних холмах запестрели домики, сады, то тут, то там выныривали, раскидывая руки в стороны, мельницы — провожали путников удивленными взглядами. Стадо овец рассыпалось пригоршней риса, строений стало больше. Скоро показались первые робкие улочки, домики стали жаться друг к другу, сады пропали.

— Почти приехали.

— Ничего не буду говорить, — засмеялась девушка, — версий миллион, но я буду молчать до последнего.

Она встряхнула головой, словно пыталась усмирить разбушевавшиеся мысли.

Поезд замедлил ход, теперь их окружал совсем крохотный — точно игрушечный — городок. Здания стояли плотно — все как на подбор аккуратные, низенькие, ясные — не выше трех этажей. Тихие улочки тонули в зелени. Поднимая пыль, скрылась за углом телега.

Поезд шел все медленнее, медленнее — и наконец, проплыв городок насквозь, охнул и остановился на самой окраине, на полустанке, представлявшем из себя прямоугольник асфальта с двумя резными лавочками.

— Стоп-машина, — мужчина поднялся и протянул спутнице руку.

Она склонила голову набок, встала. Вошел кондуктор с багажом.

— Принимаю, — мужчина подхватил вещи и вышел.

Девушка всплеснула руками, надела песочного цвета шляпку с лентами, до этого покоившуюся на полке, и шагнула следом. Узкий коридор, устланный ковром, шеренга закрытых дверей, опрятный тамбур — и они оказались на залитом солнцем полустанке. Над головами звенело, переливаясь тысячей красок, небо, изредка по нему пробегала рябь бледных невесомых облаков.

— Как хорошо, — и девушка, закрыв глаза, вдохнула холодный, пьянящий воздух.

Веяло цветами, влажной от росы травой, пряной дорожной пылью. Вскрапывая, отполз в сторону и исчез за холмом поезд — мир окутала густая, плотная тишина, сплетенная из множества звуков. Шумела листва, разливалось птичье пение, стукнули где-то ставни, залаяла собака.

— Прошу за мной, — мужчина галантно склонился и выставил в сторону локоть.

Девушка посмотрела рассеянно, кивнула.

— Даже голова закружилась, — сказала она с усмешкой.

Мужчина посмотрел встревоженно:

— Все в порядке?

— Разумеется, — она повела плечом. — Воздух, все воздух. Идем?

— Можем посидеть немного.

— Нет-нет, ни в коем случае.

И они под руку сошли с полустанка на тропинку, убегающую к улицам. В траве пели кузнечики, воздух становился теплее.

На полпути к ближайшим домам тропинка вонзилась в каменистую дорогу. У обочины стояла покосившаяся телега, бурая лошаденка сонно топталась в траве, вздрагивая гривой. Рядом, заложив руки за спину, шагал вперед-назад седой старик в помятом сюртуке и курил трубку.

— Наш транспорт, — сообщил мужчина спутнице.

Девушка перевела взгляд с лошади на старика и усмехнулась. Старик снял шляпу, склонил голову, проскрипел витиеватое французское приветствие. Потом вытолкнул откуда-то небольшой деревянный ящик и услужливо придвинул его к телеге.

— Будьте любезны, — сказал мужчина.

Девушка, едва сдерживая улыбку, театрально приняла его руку, встала на ящик и, обернув подол платья вокруг ног, села на плед, заботливо укрывающий край телеги.

— Будем ехать и болтать ногами, — засмеялась она.

— Непременно.

Он уселся рядом и пристроил саквояж, с которым до сих пор не расставался, себе за спину — там уже лежали какие-то вещи. Старик, кряхтя, обошел экипаж, — поравнявшись с девушкой, он вновь приподнял шляпу и поклонился, — влез на свое место, взял вожжи и, негромко прикрикнув, пустил лошадь шагом. Телега заскрипела и тронулась.

Ползли, подсакивая на каждой кочке, смеясь и хватая друг друга за руки. Из-под колес поднимались клубы пыли, старик, не переставая, дымил трубкой, а в воздухе висел горький травяной пар. Проехали совсем немного, и дорога раздвоилась — телега, свернув в сторону, двинулась вправо, огибая городок.

— Это недалеко. Но я подумал, что будет уместно... перемещаться так.

— Вне всякого сомнения.

День обещал быть жарким. По левую руку старика толпились робко домики, по правую — сливались в пестрый вихрь поля и рощи. Небо было беззаботно чистым, солнце неторопливо взбиралось по своей лестнице.

— Не думала перебраться к нам насовсем? — спросил, взмахнув руками на очередном ухабе, мужчина.

— К вам?

— Ну, сюда. В Париж, в Берлин. В Европу.

Девушка придержала рукой шляпку.

— Думала, разумеется.

— И?

Она поджала губы, помолчала.

— Пока не знаю.

Потом повела плечами, словно сбрасывая с себя что-то давящее, тягостное, насколько позволяла обстановка, выпрямила спину и повернулась к собеседнику.

— Я ведь русский художник, Андрей, — засмеялась она, глядя ему в глаза, — я — снежная буря! У-у-у!

И сорвав шляпку, она замахала ею перед его лицом, но в следующее мгновение запнулась и перевела взгляд на холмы.

— Или колокольня. Где поставили — там и стоит.

Он молчал.

— А вообще, — она запрокинула голову и закрыла глаза, — к чему все эти рассуждения? Говорим, говорим, определяем...

Она зажмурилась, и ее лицо засветилось.

— О чем можно говорить под таким солнцем, Андрей Феликсович? Что мы, — она сделала упор на «мы», — можем сказать?

Он было раскрыл рот, но она его остановила.

— Нет. Я серьезно. Давай молчать. Я такого солнца уже много лет не видела. Или — не смотрела. Так.

Мужчина развел руками, потом задрал подбородок и сдвинул шляпу на затылок.

И всю оставшуюся дорогу они молчали. Молчали до тех пор, пока телега со стоном и содроганием не остановилась. Старик что-то отпрапортовал.

Мужчина тут же соскочил на землю.

— Так, — проговорил он смущенно, — сейчас я попрошу тебя... Прозвучит глупо, но я попрошу позволить завязать тебе глаза.

Она наигранно сдвинула брови, тут же рассмеялась.

— Позволь сперва хотя бы приземлиться.

Мужчина засуетился, обратился к старику — и на дороге вновь возник пыльный деревянный ящик. Девушка спустилась, пригладила волосы, поправила шляпку.

— Валяй, — воскликнула она, смеясь, — но помни: в случае чего общественность тебя не простит.

— Господь с тобою, Галя.

Он достал из кармана шелковый сиреневый платок и с извиняющейся улыбкой протянул. Она свернула ткань вдвое, приложила к лицу и завязала на затылке.

— Держись за мою руку.

— Будь столь любезен.

Старик стащил с телеги багаж, и все трое двинулись. Сперва шли по ровному, но скоро дорога ухнула вниз и потекла по пригорку. Спустились, прошли еще немного. Наконец мужчина остановился.

— Есть, — сообщил он. — Подожди еще немного, пожалуйста.

Он высвободил руку, принял от старика поклажу и стал что-то обустраивать.

— Краски? — засмеялась девушка. — Я слышу стук красок в коробке?

— Терпение, Галя, терпение.

Он прекратил возиться и подошел к ней.

— Так... Сделай шаг вправо... Еще один... Немного отступи... Еще немного... Еще...

Погоди секунду... Да, вот. Готова?

Она молчала.

— Можешь снять.

Она помедлила, потом стянула повязку и с вызовом подалась вперед.

Напротив нее стоял мольберт с чистым холстом. На складном стульчике рассыпались краски, белела палитра. Рядком поблескивали кисти. Она прищурилась, перевела взгляд с холста на пейзаж за ним — и ахнула. Брови взлетели вверх, она закрыла рот ладонью. Потом подняла обе руки и спрятала в них лицо.

— Это невозможно.

Мужчина молчал, улыбка застыла на его губах, но во взгляде читалась едва уловимая тревога.

— Это невозможно, — повторила она и замотала головой. Потом медленно опустила руки и замерла.

Они стояли на возвышении. За мольбертом расстилось жгуче-зеленое поле, срывающееся куда-то вниз и открывающее далекий, тонущий в голубой дымке вид. Внизу, до самого горизонта, насколько хватало взгляда, тянулся бархат лесов. Поле с правой стороны упиралось в рощу, с левой уходило вдаль и растворялось. Прямо перед ними в некотором отдалении стоял домик с мансардой. Цвет его скользил между зеленью и лазурью, краска кое-где трескалась и топорщилась бахромой. Крылечко, увитое плющом, неуверенно спускалось к дорожке. За невысоким забором темнела сирень. Слева к крыше прижималась пышной кроной яблоня.

Девушка стояла не шевелясь. Глаза ее блестели.

— Как это возможно, Андрей? Это же невозможно.

— И однако же, — кротко промолвил он.

Она судорожно обернулась.

— Ты его построил. Ты его выстроил с нуля. Так?

Он покачал головой.

— Ты врешь, Андрей. Или у меня галлюцинации. Мсье! Вы тоже это видите? — крикнула она по-русски, но старика рядом не было.

Яблоня качалась и словно гладила домик, ветви ее тянулись к круглому окошку мансарды.

— Конечно, — заговорил мужчина, — пришлось несколько изменить крыльцо, переложить черепицу. Но в остальном все именно так, как и было, когда я... наткнулся на него.

Она сняла шляпку, прижала к груди.

— Но... Как? И холм, и лес... Яблоня... Поле. Это же невероятно. Все один в один, как на фотографии. Да и в жизни...

Она тряхнула волосами и заозиралась.

— Ты привез меня в Россию? Мы в России?

Мужчина улыбнулся, склонил голову набок, не ответил.

— Тогда я не понимаю... Впрочем, что Россия... Его же снесли давно, — она вдруг замолчала, и по лицу ее пробежала тень. — Андрей! Его же снесли давно!

— И однако же, — мужчина развел руки в стороны. Потом он тихо рассмеялся: — Я знал, что тебя это впечатлит.

— Впечатлит? — выдохнула она. — У меня голова кружится, дай мне сесть. Хотя нет... Не нужно.

Она сделала шаг вперед, остановилась. Повесила шляпку на угол мольберта. Сложила руки на груди, потом подняла их, нервно коснулась губ кончиками пальцев да так и осталась стоять, не сводя с домика встревоженного взгляда.

Несколько минут прошли в молчании. Где-то за холмом заржала лошадь. Из-за рощи, на западе показались лохмотья облаков.

— Погодите, миленькие, — прошептала она чуть слышно, не убирая рук от лица, — дайте наглядеться.

— Ты не будешь писать? — тихо спросил мужчина.

Она помедлила с ответом, всматриваясь в домик.

— Нет... Наверное, не буду. Не смогу.

Мужчина пожал плечами, сделал несколько шагов назад и уселся на землю. Потом оглянулся, сорвал какую-то травинку; зажав ее зубами, откинулся на спину и остановил взгляд на синем куполе неба.

Повисла тишина.

Белое сияющее яблоко сорвалось с ветки, со стуком прокатилось по крыше домика, ударилось о скат крыльца и исчезло в траве.

— Боже мой. Точь-в-точь. Точь-в-точь. Разве так бывает?

Трава пошла рябью, налетевший ветер принялся трепать выглядывающую из-за ограды сирень. Птичья стая пересекла небо и исчезла за лесом. Девушка стояла не шевелясь.

— Кто здесь... живет? — спросила она.

Мужчина надвинул шляпу на лоб.

— Премилые старики.

— Они... дома?

— Не могу знать. Они предупреждены о нашем визите, и я, конечно, попросил на некоторое время, так сказать...

— Боже, как неловко.

— Отчего же? Я им все объяснил, и, поверь, они заинтересовались не меньше моего. Почтенный глава семейства лично помогал перестраивать крыльцо.

— В голове не укладывается, — медленно протянула она.

Снова повисло молчание. Ветер дотянулся до мольберта, и ленты на шляпке затрепетали.

— Хочешь познакомиться? — подал голос мужчина.

— С кем?

— С хозяевами.

Молчание.

— Нет, нет. Не хочу.

Облака медленно тянулись над темно-зеленым морем лесов — и ровную гладь пейзажа накрывали широкие тени. С западного края небо уже не голубело.

— Нам очень повезло, — сообщил, привстав на одном локте и поправляя шляпу, мужчина. — Кажется, будет дождь.

— Да, — кивнула она. — Будет.

Она стояла в той же позе, и только взгляд претерпел изменения — теперь в нем была тоска.

— Это ведь чудо, Андрей, — сказала она наконец. — Настоящее чудо. О таком пишут в книгах. О таком в старости рассказывают внукам.

— Согласен с каждым словом.

— И мы так просто... То есть... Вот мы видим это — здесь, сейчас... И...

Она не закончила.

— Думаю, я понимаю тебя, — сказал он.

Солнце озаряло облачную пелену. За рощей от облаков тянулись вниз широкие темные полосы — там уже лил дождь. Яблоня как-то по-особенному качнулась, отпрянула — и мансардное окошко засияло огнем, отражая солнечные лучи. Она вздрогнула и плотно сжала губы.

Ветер усилился. Ленты, травинка в зубах мужчины, непослушная прядь, выбившаяся на высокий лоб девушки, подол платья задрожали, забились. Шляпка качнулась и, соскочив с мольберта, покатила по траве. Мужчина бросился в ее сторону, но девушка его остановила.

— Не надо. Пусть, — сказала она, не отрывая взгляда от домика.

Шляпка замедлилась, словно прислушиваясь к хозяйке, тут же подпрыгнула и, увлекаемая ветром, кувыркаясь и цепляясь за траву, устремилась куда-то в сторону рощи.

Уже половина неба была затянута. Облака мрачнели, утяжелялись, уступали место грузным, медлительным тучам. От рощи доносился шум, кроны раскачивались и теснили друг друга.

Послышались нетвердые сухие шаги, из-за холма показался старик извозчик, обращаясь к мужчине, что-то прокричал. Мужчина кивнул, что-то крикнул в ответ, старик исчез.

— Я могу попросить его подождать.

— Нет-нет, не нужно. Пора, — проговорила девушка.

На домик упала тень. Мансардное окно погасло, сирень потускнела. Девушка опустила руки, зажала в кулаках складки платья и с видимым усилием отвернулась. Лицо ее было бледно, она часто дышала.

— Галя, все в порядке?

Она заставила себя улыбнуться.

— Да, да. В полном.

Несколько холодных капель долетели до них и упали в траву.

— Идем?

— Да. Секунду, — мужчина спешно подошел к мольберту, собрал его, уложил, ссыпал туда же краски и кисти.

— Готово.

Девушка, глядя себе под ноги, двинулась вверх по тропинке. На вершине холма остановились. Сюда еще падали лучи, но повсюду уже блестели в этих лучах жемчужины капель.

— Должен тебя предупредить: я не позаботился о зонте.

— Это ничего.

Она не двигалась — стояла спиной к домику. Мужчина хотел что-то сказать, но не решился, отошел в сторону и стал ждать. Видно было, что ее терзает какая-то мысль. Наконец она вскинула подбородок и рывком обернулась.

Домик смотрел печально. Яблоня — то ли от ветра, то ли от добравшегося до нее дождя — выглядела понурой, поблекшая листва распласталась по крыше, и казалось, что дерево утешает дорожного друга. Роща гудела и вздыхала, даль тонула в серо-зеленой мгле, нить горизонта едва угадывалась. Солнце одним своим краем уже вонзилось в тучу, но не прожгло ее, а будто бы смирилось и умерило пыл. Еще несколько минут — и оно скрылось из виду, в последний момент качнувшись и рассыпав вокруг себя сноп огня.

Окошко, едва заметное за сиренью, озарилось ровным теплым светом — в доме зажгли лампу.

Девушка, до этого нервно теребящая поясok платья, кивнула и развернулась.

— Идем, Андрей.

И она решительным шагом двинулась к застывшей неподалеку телеге.

Когда тронулись, дождь усилился. Сверкающие нити мяли траву, стучали мелко по бурой лошадиной спине, били по шляпе старика, не обращавшего на непогоду ровным счетом никакого внимания. Мужчина стянул с себя пиджак и укрыл им девушку с головой. Она сидела, опустив плечи, растрепавшиеся волосы прилипли к щекам, она смотрела на убегающую из-под телеги дорогу и молчала.

— Галя.

Она вздрогнула.

— Ты расстроилась. Извини.

Она, не глядя на него, улыбнулась.

— Тебе не за что извиняться, милый Андрей. Я просто не знаю, как себя вести и что говорить.

Она взялась за края пиджака и укуталась в него, насколько это было возможно. Из-под скрипящих колес вылетали брызги грязи, дорога постепенно превращалась в серую кашу.

— Тогда, в детстве, — заговорила она, сохраняя на лице тихую улыбку, — когда ночью яблоки падали на крышу, вот как сейчас мы видели, я представляла, что это не яблоки, а звезды.

Мужчина рассмеялся.

— Конечно, я знала, что это яблоки. Но зажмуривалась — и твердила себе: это звезда, это звезда. Звезда упала на нашу крышу и скатилась по ней к крыльцу. Если выглянуть в окошко, увидишь ее в сирени — мерцающую, горячую.

— Ты выглядывала?

— Один раз. Видимо, яблоко куда-то закатилось, я ничего не увидела — и впредь решила не рушить сказку. Это стоило немалых усилий, но они окупались.

Помолчали немного.

— Ох, краски могут намокнуть, — встрепенулся мужчина и принялся прятать саквояж куда-то в глубь телеги.

— Пускай себе мокнут, — безразлично протянула она.

Всхрапнула, споткнувшись, лошадь, телегу тряхнуло.

— И ведь даже ракурс подобрал, расстояние отмерил. Ай да Андрей! — воскликнула она. — Вот что значит взгляд художника! Ведь не копию же ты делал!

Мужчина скромно опустил глаза, покачал головой.

— Ну, это ведь не просто фотография, — сказал он, подумав. — Еще до того, как увидеть ее, я знал, как много она для тебя значит.

— Откуда?

— Рассказывали. Висит, мол, в студии карточка в рамке. Домик, яблоня, роща. Из этого, дескать, домика наша звездочка и возшла.

Он вдруг спохватился и замолчал, виновато посмотрел на нее. Она усмехнулась и покачала головой.

— И эта, дескать, фотография, нашей Гале очень дорога.

Она вздохнула.

— Дорога.

Вдали показались огоньки — приближался городок.

— Эта фотография, Андрей, — все, что осталось у меня от того домика. И от детства, — она помолчала. — И от мамы.

Огоньки становились ярче, можно было различить очертания крыш. Дождь притих, моросил как бы нехотя, через силу. Над холмами солнце пробилось сквозь тучи и расчертило серое марево сияющей спицей луча.

Когда добрались до поворота, от которого к полустанку убегала знакомая тропа, и старик, остановив телегу, принялся хлопотать о багаже и пассажирах, откуда-то издалека донесся гудок поезда.